

О Василии Шухаеве, его жизни в СССР после возвращения из Парижа, аресте и ссылке

<http://oralhistory.ru/talks/orh-678>

17 ноября 1978

Собеседник

Рачек-Дега Ирина Петровна

Ведущий

Тейдер Валентина Федоровна

Дата записи

Беседа записана 17 ноября 1978 и опубликована 24 июля 2018.

Введение

В третьей беседе Ирина Рачек-Дега рассказывает о своем возвращении в СССР и сближении с семьей Шухаевых, приютивших ее у себя после разрыва с Альтманом. Ирина Петровна описывает безоблачную, благополучную, даже барскую жизнь Василия Шухаева в СССР, продолжавшуюся вплоть до внезапного ареста и восьмилетней ссылки на Колыму Василия Ивановича и Веры Федоровны.

Замечательные словесные портреты Шухаевых Ирина Петровна дополняет чтением писем Василия Ивановича к его ближайшему другу и соавтору — Александру Яковлеву. Она рассказывает о работе Яковлева и Шухаева у Мейерхольда и об истории возникновения их двойного автопортрета «Арлекин и Пьеро». Как и в [первой беседе](#), где Рачек-Дега имитирует речь Альтмана и Бабея, в этой можно послушать, как звучит в ее исполнении речь Шухаева.

Знакомство с Яковлевыми и Шухаевыми в Париже

Ирина Петровна Рачек-Дега: Мое пребывание было — Монпарнас, они [Шухаевы] редко там бывали. А с Яковлевым меня связывала дружба с его племянницами.

Валентина Федоровна Тейдер: Яковлев — простите, художник?

И. Р.-Д.: Художник, Александр Яковлев, да. Который очень дружил с Шухаевым и работал вместе с ним.

В. Т.: Это вот их автопортрет известный.

И. Р.-Д.: «Пьеро и Арлекин», да. Затем Фирсанова особняк на Пречистинке, теперь Кропоткинская, где они вместе делали*. До сих пор сохранился этот плафон.

В. Т.: Да?

И. Р.-Д.: Да! А вот эскизы муз, которые были выставлены на выставке, Русский музей приобрел.

В. Шухаев, А. Яковлев. Эскизы росписей в особняке В. И. Фирсановой на Пречистенке в Москве. 1915. ГРМ

В. Т.: Понятно.

И. Р.-Д.: У меня даже сохранился один эскизик яковлевский вместе с Шухаевым (кто делал, тут не поймешь уже) — тоже муза. Один я в музей сдала, а другой у меня, не хочу с ним расставаться.

В. Т.: Ну и пускай тогда.

И. Р.-Д.: Мне он дорог.

В. Т.: Правильно.

И. Р.-Д.: Ну вот вам немножко о Яковлеве. Яковлев — это был...

В. Т.: Простите, а когда это было в Париже? Какие годы примерно?

И. Р.-Д.: В 30-е годы. Начало 30-х годов: 33-й — 34-й год примерно. Там Татьяна вот эта Яковлева — это племянница его, в которую очень был влюблен Маяковский.

В. Т.: Да, это вы рассказывали в прошлый раз**.

И. Р.-Д.: Рассказывала, да. Приехала Лиля, ее сестра, тоже из Пензы, по-моему. Ну, это была очень интересная и смешная история. Это была провинциальная девушка, которая тоже — я у Преображенской продолжала тренироваться, и Лилия туда пошла. У нее очень хорошая фигура была, но она абсолютно не танцовщица, конечно, а только так, для *passer le temps****, как говорят французы. И Александр

Евгеньевич просил меня, чтоб я ее не оставляла, она не знала языка, причем очень легкомысленная девушка была, должна вам сказать, стреляла глазами всюду, что я всегда стеснялась с ней в метро даже ехать. Делала вид, что я с ней незнакома — до того. Она, понимаете, решила покорить весь Париж.

В. Т.: Ну, бывает.

И. Р.-Д.: И я помню, как мы шли. Я вам расскажу один очень смешной факт. У него была очаровательная мать, у Яковлева, бабушка такая. Кстати, вот этот Макс, где вы видите, вот это...

В. Т.: Обезьянка.

И. Р.-Д.: ...обезьянка — это от них.

В. Т.: Понятно. Это вы рассказывали эту историю с Максом.

И. Р.-Д.: Это я рассказывала. Так вот, моя дружба продолжалась — с этой бабушкой. Сестра его певица была.

В. Т.: Сестра Яковлева?

И. Р.-Д.: Да. Она была певица.

В. Т.: Они всей семьей там жили?

И. Р.-Д.: Они всей семьей там жили, совершенно верно. Ну, он отдельно жил, а бабушка с сестрой отдельно, мать с сестрой.

В. Т.: И они дружили с Шухаевыми.

И. Р.-Д.: Очень.

В. Т.: Семьями.

И. Р.-Д.: Очень близко. Яковлев — это был самый близкий друг его и соратник по живописи, они же вместе и работали.

В. Т.: И вы бывали у них тогда, в те годы, нет?

И. Р.-Д.: Вы знаете, очень редко мы встречались там. Я вам скажу еще, почему. Я очень много работала, а это не то, что сейчас: сильный профсоюз. Там не было ничего подобного.

В. Т.: Ну, понятно.

И. Р.-Д.: Это была совершенно эксплуатационная работа — до того, что мы, понимаете, там работали от и до — как негры.

В. Т.: То есть вам редко удавалось встречаться с друзьями.

И. Р.-Д.: Редко, вообще. Или ночью, чего я не в состоянии уже была, усталая была очень, либо...

(Перерыв в записи)

*

В 1915 году А. Яковлев и В. Шухаев выполнили роспись плафона концертного зала особняка В. И. Фирсановой на Пречистенке (Пречистенка, 32).

**

Подробнее об этом — В [первой беседе с И. П. Рачек-Дега.](#)

Проводить время (фр.)

В.Шухаев. Тройной портрет: Василий и Вера Шухаевы, Александр Яковлев. 1921

«Я ничего не понимала»: возвращение в Россию и переезд к Шухаевым

И. Р.-Д.: Я с ними редко почему встречалась, я вам уже рассказала, а потом, когда мы приехали сюда, в Россию, в 37-м году, да, 36-й даже, конец, вот тут-то мы начали встречаться. Как раз Василий Иванович тогда работал и в Ленинграде в Академии художеств, и в Москве в Академии художеств тоже — преподавал.

В. Т.: А жили они...

И. Р.-Д.: А жил он и там в Ленинграде, и здесь. А я вскоре разошлась с Альтманом, и пришла Вера Федоровна и говорит: «Иринка, идем жить ко мне. Нечего тебе одной болтаться. Ты не привыкла здесь, ты ничего не знаешь, и я боюсь за тебя, просто боюсь, что ты здесь потеряешься». И Альтман был очень счастлив. Мы с ним разошлись, обоюдно сговорившись, и потом, как я рассказывала, очень дружили, наоборот, даже больше, чем при жизни с ним, как это ни странно. И Вера мне сказала: «Иринка, я тебя не оставлю одну». Это было для меня большое счастье, потому что это человек совершенно большой, широкой души.

В. Т.: Вера Федоровна.

И. Р.-Д.: Да! Это, вообще, добрейший, культурнейший, интеллигентнейший человек.

В. Т.: Из какой семьи она, вы не знаете?

И. Р.-Д.: Семьи интеллигентной. И вообще, вы знаете, из сестер — их три сестры были: Марья Федоровна — это день и ночь, совершенно разные, Марья Федоровна резкая такая, жесткая (может быть, в душе она и не жесткая, но вот внешне — тоже есть жесткость), а эта наоборот, мягкая, ласковая, добрая, широкая и какая-то, понимаете — все поймет, всех приласкает, вот такая она.

В.Шухаев. Портрет Веры Шухаевой. 1920. Николаевский художественный музей им. В. В.Верещагина, Украина

В. Т.: Она старшая, Вера Федоровна?

И. Р.-Д.: Немножко старше, на два — три года.

В. Т.: Не помните, с какого года она?

И. Р.-Д.: Ей будет восемьдесят четыре года сейчас, а Марье Федоровне восемьдесят лет; примерно три — четыре года, по-моему, разницы. И я вам должна сказать, что я была счастлива, конечно, и это не то слово, я была какая-то обалдевшая, не понимающая ничего. Уезжая, я была совсем юной, и была совсем другая обстановка, и я шла в ту обстановку, а попала я в другую. И я ничего не понимала — людей не понимала, окружающих всех, все изменилось очень, и я растерялась малость, я как-то, как говорят французы, *abrutir* была, обалдевшая, и Вера мне говорит: «Ну ладно, ты дурочка сейчас, ты разберешься. Все поймешь, все станет на место. Но, пока ты поймешь, я возьму тебя под свое крылышко». И вот она меня взяла к себе, и жила я у них.

Благополучная жизнь Шухаева в СССР

Тогда Василий Иванович приезжал — два, не то три, я уже не помню, два раза, по-моему, в неделю, да, два раза в неделю — преподавать здесь, в Москве. А у него там квартира была. Он был нарасхват, что называется: очень много заказов у него было — и в театрах, и портреты, и заказы, и учеба, — все это,

и он был полон надежд, и в своем благополучии он купался, приятно было на него посмотреть. Вообще внешне... я вам хочу немножко о нем рассказать, это был *bel homme* — красивый, высокого роста, с прекрасной фигурой, прекрасно носил вещи, и у него все очень блестело и, так, знаете, по-английски все так свободно, красиво ниспадало, и он действительно производил впечатление европейца, конечно, выделялся, и такой именно *bel homme*. Гурман, любил покушать страшно. Мы очень его любили, баловали всегда. Когда он приезжал, — там, значит, мы жили: я, Вера Федоровна и работница, — и мы втроем, как собачки прыгали на задних лапках вокруг него.

(Перерыв в записи)

И. Р.-Д.: Когда он приезжал, то мы покупали чаще всего поросенка, который он страшно любил, с гречневой кашей, ну, и всякие соленья, и все это. Он садился и говорил: «Ну, бабенки! Чего приготовили?!» *(Смеется.)* И вот мы, значит, кто что несет, вообще обхаживали его невероятно. Это ему нравилось.

В. Т.: Да, конечно.

И. Р.-Д.: Он как паша сидел такой важный, приказывал: «Вера! Иди сюда. Иринка! Садись рассказывай, что у тебя там! Кто в дверь, кто в окно! Всех буду гнать лопатой и всех буду выбрасывать, имей в виду». Он так оберегал меня, что называется. Так что, когда он приезжал, у нас праздник был. Приходило много народу его повидать, и к нам приходили, очень много интересных людей.

В. Т.: Коллеги или ученики?

И. Р.-Д.: Нет, просто знакомые, друзья, было много таких очень интересных людей.

В. Т.: Не помните, кто был у вас в те годы?

И. Р.-Д.: Помню. Но их сейчас нет уже никого. Бубнов приходил, жена Бубнова приходила. К сожалению, они, может быть, из-за этого и пострадали*, потому что это их круг был. Очевидно. Потому что Василий Иванович был настолько аполитичен, что даже неприлично было, Вера у него всегда спрашивала: «Васька, а кто у нас самый главный?» — «Верка, отстань! Я прочитаю и все потом тебе доложу». Вот такой, понимаете? И вдруг оказался шпионом, по его признанию, что смешно. К сожалению... я присутствовала при обыске [в Москве], они были в Ленинграде, их в Ленинграде там забрали, а я ничего не понимала, я им говорила, что «это же самые честные люди, которых вообще я видела в жизни». И потом Василий Иванович абсолютно не разбирался ни в чем, может быть, за это его... *(смеется.)* То есть я настолько была глупа — невероятно. Я все не понимала — как можно таких вообще забрать. Ну, вот видите, приходила жена Бубнова, приходили еще архитекторы, Зильберштейн часто бывал, вы знаете ведь...

В. Т.: Искусствовед, литературовед.

И. Р.-Д.: Литературовед, да.

В. Т.: Илья Самойлович.

И. Р.-Д.: Часто бывал Илья Самойлович там. Очень любил Веру Федоровну, очень. Потом за мной там ухаживали: Павленко приходил, писатель, потом Прозоровский, кинооператор, Николай, — это все мои поклонники были, так сказать, считались моими поклонниками, но мне никто не нужен был. Я вообще совершенно ходила растерянная и не знала, что мне делать, поскольку я переработала, будучи в Америке, там была такая эксплуатация страшная, что я переработала себе связки, я уже не могла работать: у меня и нарывы на глазах начались. Это по три — четыре спектакля в день, представляете? На пальцах еще. Это кошмар. Я была советская одна среди французской труппы, и, к счастью, там Аренс был такой, консул, с которым я очень подружилась. Ну, он обрадовался, что я знала Альмана хорошо и что я здесь, что живой человек приходит в дом (они не очень общались с местными, совсем, вернее, не общались), ну я, когда свободная минута, две, час, я бежала к нему, всегда к нему, уже как своя там была, уже мне никаких приемов, ничего не было. И ему сказала, что я не могу больше, не могу. И там у меня и плеврит был, и все, что хотите, я возненавидела Америку, возненавидела — со всей этой самой быстротой, со всем

business, и расчетом. Ненавидела. Вы знаете, просто скорей бы удрать отсюда, скорей бы удрать. И он помог мне. Так, если я контракт нарушаю, то я должна неустойку платить, это большие деньги, а он помог как советской гражданке и меня выцарапал преждевременно. И вот я уехала тогда. И у меня были переработанные связки, мне надо было лечиться, и я не устроена была как-то.

В. Т.: В общем, вам было не до ухаживаний.

И. Р.-Д.: Не до ухаживаний. Нет, никто мне не нужен был — только вот Вера и Василий, больше никто.

В. Т.: Да. Они это понимали, видимо.

И. Р.-Д.: Да! Ну, с такой тонкой душой, с такой психикой тонкой, как у Веры Федоровны...

(Перерыв в записи)

*

Андрей Сергеевич Бубнов, советский политический деятель, 1929 по 1937 — народный комиссар просвещения РСФСР и его жена, Ольга Николаевна Бубнова, научный сотрудник-искусствовед Государственного исторического музея и ведомства «Всекохудожник», были арестованы 17 октября 1937 года и расстреляны.

Арест Шухаевых и их жизнь в магаданском лагере

В. Т.: Значит, вы в этом доме, у Шухаевых.

И. Р.-Д.: Да, у Шухаевых в этом доме я долго жила и искала, что мне делать, куда мне деться и прочее. Ну, о себе я не буду вам говорить.

В. Т.: Да, вы хотели о Василии Ивановиче.

И. Р.-Д.: Да, да. О Василии Ивановиче. Ну, что любил Василий Иванович? Василий Иванович любил фотографировать, очень любил.

В. Т.: Хорошо фотографировал?

И. Р.-Д.: Хорошо фотографировал. У него был хороший аппарат, он снимал и артистов балета, снимал то, что в театре он делал, свои картины снимал, много снимал он, это он любил. Затем, что еще? Немножко любил за дамами ухаживать, безусловно, это он любил, любил. Мы, когда он приезжал, Вера, и я, говорили ему... Вера говорила ему: «Васька, у тебя роман?» Он говорит *(имитирует манеру Шухаева)* «Вера, что ты? У меня столько работы, не до романов».

В. Т.: У него бас был — или баритон?

И. Р.-Д.: Ну, такой баритон, да, низкий баритон. И вообще он такой, под мужика такого, знаете, немного. На самом деле это был добрейший человек, приятнейший человек, очень он дружил с Рихтером.

В. Т.: Святославом?

И. Р.-Д.: Да.

В. Т.: Пианистом.

И. Р.-Д.: Да. С Нейгаузом.

В. Т.: Значит, он любил, видимо, музыку.

И. Р.-Д.: Любил музыку, безусловно. Ну, как каждый художник, это же связано, живопись и музыка — это связано; движение, — все это связано. Я воспринимаю, например, живопись музыкально. Безусловно. Так что мне это понятно. Любил, чтоб я копалась в его живописи, хотел все время, чтоб я ему позировала, но у меня что-то не получалось. Я терпеть не могла позировать. Ну, я напозировалась в жизни, и терпеть не могла, никогда. Но что же делать? У меня был муж художник, приходилось просто терпеть. А тут я все

время удирала от него. И вообще от всех художников (за мной бегали художники — позировать им). Что он еще любил? Больше всего, конечно, он жил своей живописью. Он жил именно. Вы знаете, такого трудоспособного человека, может быть, я знаю второго — Лабас и он. Это невероятной трудоспособности [человек], он все время [работал]. Будучи уже совсем стареньким, на Николиной горе они всегда жили летом, приезжали сюда...

В. Т.: Из Тбилиси.

И. Р.-Д.: Из Тбилиси, да. И я приезжала их навещать, и он всегда писал там. Каждый день. Он уже был немолодой, он уже был очень даже пожилой. И очень интересно, когда я приходила, внезапно так врвалась к нему, а он у себя в комнате писал, работал, и у него с поясницей что-то было, он сгибался, и, когда я заходила, он так стройным делался вдруг и кричал: «Иринка! А ну иди в мои объятия!» *(Смеется.)* Ну, тут он меня обнимал, и «все ли у тебя на месте», и опять вспоминал молодость. Это, конечно, было очень мило, очаровательно. Я приезжала к ним, бывала у них как свой близкий-близкий человек. Это мне самые близкие люди, и я никогда не могу забыть их теплоту, любовь и нежность, которые они проявили ко мне в минуты моей очень тяжелой жизни. И он это любил, очень хотел, чтоб я занималась его живописью, то есть его делами. Например, у меня есть письмо от него, последнее письмо, где он пишет: «Иринка — он меня Иринкой называл. — Иринка, поезжай в Тарту, там моя выставка*. И все, что ты мне скажешь, я тебе поверю». Вот так. И в память его я занимаюсь до сих пор его делами. Ну, что еще он любил? Любил одеваться. Он тщательно, аккуратно, красиво одевался. Ну, а потом все наше пребывание совместное прервала вот эта вот совершенно неожиданная вещь. Они были тогда в Ленинграде. Можно говорить?

В. Т.: Да.

И. Р.-Д.: Они были тогда в Ленинграде, а я с работницей была. Я никогда не забуду эту ночь в жизни.** Для меня это было, как, знаете, гром среди ясного неба. Это был как раз день рождения Лидина, писателя, а я с Эренбургами очень близка была и вообще дружила, Эренбурги, значит, заехали за мной, и мы поехали к Лидину. Там мы отмечали его день рождения, и я помню, они меня привезли что-то в два часа ночи, около двух, поздно. Они жили... тогда квартиру дали Вере Федоровне и Василию Ивановичу в церкви бывшей, на Ордынке, и там дверей не было, а были арки, три комнаты, но были арки, и в одной из комнат, за арками, моя комната была, там окна не было, а у Веры Федоровны была такая вот большая, вроде мастерской, где были окна, и дверь была и, поскольку ее не было, мне душно было спать, я легла у нее в постели и уснула, конечно, провалилась, как убитая, и проснулась — как будто меня подстегнули. Возле меня, значит... военные вокруг меня. Тут я ничего не поняла. А Вера Федоровна была как раз у Василия Ивановича в Ленинграде в это время, их там арестовали, а вот у них в квартире делали обыск. Я ничего не понимала, для меня это было... никогда не забуду, никогда не забуду. Ну, со мной они обошлись очень вежливо, все было очень, так... Я ничего не понимала. Я же говорю, для меня это был большой удар, я это никогда не забуду. И он, бедняга, туда загремел.

В. Т.: Он там работал, я знаю, да?

И. Р.-Д.: Да. Ну, поскольку там был и Варпаховский, и были силы хорошие театральные. Он там работал. А как это началось — очень интересно. Я вам расскажу очень интересную вещь одну. У Веры Федоровны висит автопортрет Василия Ивановича карандашом. В берете, изможденное очень лицо такое, постаревшее немного. Вера Федоровна не знала, где он. Их разлучили. И она была в Магадане, и она не знала, где, и там была надзирательница, которая обожала Веру Федоровну — ее нельзя было не любить и она разыскала, она узнала, где Шухаев, и сказала Вере Федоровне, что, вот, Шухаев здесь, и она устроила им свидание даже, понимаете? Иногда она передавала записочки, и Вера Федоровна написала: «Вася, пришли твою хоть фотографию как-нибудь сделай». Он написал свой автопортрет, нарисовал, и написал сзади ей письмо: «Душенька, ты, наверно, забыла, что я художник»***

В. Т.: Молодец.

И. Р.-Д.: «Ты забыла, что я художник. Вот посылаю мой портрет». И, нарисованный, сейчас висит у Веры

Федоровны, она мне его потом обещала отдать. Вообще все его портреты... Яковлева, есть еще его портрет, изумительно хороший, ее портрет тоже. Сангина все, замечательно.

В. Т.: Это то, что показывали на выставке?

И. Р.-Д.: На выставке было, нет, Яковлева не было.

В. Т.: А ее портрет был?

И. Р.-Д.: А вот ее портрет был, да-да. Она говорит: «Я тебе его отдам, чтоб у тебя на память был». Потому что у нас очень тесный... Ну, естественно.

В. Т.: Ну, конечно, конечно, так уж сложилось.

И. Р.-Д.: Сложилось, что я ее обеспечивала и что я сделала все, чтоб ей жилось легко, и я счастлива. Потому что, если бы не было у ней сейчас средств, она совсем уже слегла, а там безумно все дорого, ну, и трудно, и дорого.

В. Т.: Много еще осталось у нее работ?

И. Р.-Д.: Нет, не очень много, нет, все это куда-то она раздарила. Она подарила много картин Грузинскому музею в благодарность, что Грузия приняла его, понимаете. Они были уже на поселении тогда, он работал там. Вот я хочу вам рассказать, он работал с Варпаховским, у меня есть очень много этих его костюмов, эскизов декораций, эскизов костюмов, вот оттуда, из Магадана, очень много.

В. Т.: Там театр они организовали?

И. Р.-Д.: Нет, там был Театр имени Горького (музыкальный или какой-то там, театр)****, и очень смешно, как узнали, что он художник, это очень смешно. Он, кажется, вот когда писал свой автопортрет, и кто-то из служителей, служащих там увидел и говорит: «Ой! Ты умеешь рисовать? Нарисуй мою маруху». И дал фотографию, и он нарисовал, и таким образом узнали, что он художник. И он начал там писать.

В. Т.: А маруха — это жена, что ли, его или кто?

И. Р.-Д.: А маруха — его девушка какая-то. Там бог его знает. Девушка его какая-то. Вот это тоже такой эпизод они мне рассказывали. Ну, а что? Об этом он почти никогда не рассказывал, никогда ничего не рассказывал.

В. Т.: А сохранились какие-нибудь его работы того периода?

И. Р.-Д.: Да. У меня даже есть.

В. Т.: Да?

И. Р.-Д.: У меня есть какой-то портрет тамошнего работника, видимо, в такой косоворотке.

В. Т.: Карандашом?

И. Р.-Д.: Нет, масло.

В. Т.: Да?

И. Р.-Д.: Да, большой портрет. Его автопортрет.

В. Т.: Интересно.

И. Р.-Д.: Портрет какой-то девушки тоже есть у меня, Вера мне дала как раз, я храню это как историческое, не для музея. Потому что сейчас еще музеи... Сейчас не время, понимаете, сейчас еще лежит на закупке много вещей. Когда это пройдет, тогда я уж буду через Третьяковку распространять по провинциальным музеям, а сейчас пока я жду, когда министерство утвердит эти вещи. Так что у меня еще работы дай боже.

В. Т.: Я вижу.

* Персональная выставка В. Шухаева в Тарту, 1972 г.

**

В. И. Шухаев и В. Ф. Шухаева были арестованы в апреле 1937 года по обвинению в шпионаже (статья 58 УК РСФСР) и сосланы на Колыму. Освобождены в апреле 1945 года «по отбытии срока наказания».

Из письма В. Ф. Шухаевой к матери. 11.06.1939

«...Вася прислал мне свой автопортрет, маленький, в письме, сделанный карандашом с изумительным сходством, чудесный рисунок. Я очень берегу его. Когда-нибудь это будет очень ценной вещью, а сейчас это моя большая радость. Получаю от него письма, идут быстро, всего 9 — 10 дней, он находится от меня в 340 км. Если б он был здесь, мне бы, конечно, дали бы с ним свидание. Очень я люблю моего старика и ужасно болею за него. Он стал такой старый, худой, длинный, седой, в какой-то поповской шапке, которую вы ему прислали, в телогрейке. Таким я видела его в октябре месяце, и таким он стоит у меня перед глазами. Жаль мне очень, если он погиб как художник, но я все-таки думаю, что мне удастся, как только мы будем жить вместе, снова пробудить в нем художника и заставить забыть все пережитое...»

<https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=9301>.

Дом культуры им. А. М. Горького в Магадане (впоследствии — Магаданский музыкально—драматический театр им. А. М. Горького).

О характере Шухаева

И. Р.-Д.: С Василием Ивановичем, да. Я очень рада, что это сделала, потому что в эту самую тяжелую минуту они пришли мне на помощь, даже не материально мне не нужно было, а морально, это самое важное в жизни, я считаю. Ну вот. Василий Иванович. Что еще? Он был человек легкий очень.

В. Т.: В быту или..?

И. Р.-Д.: В быту, очень легкий, да. Очень. Причем правду-матку в глаза всегда говорил. Вот, например, даже, между прочим. Вы не были на выставке Рихтера? Была выставка портретов, которую он устроил на Волхонке, там, в Музее имени Пушкина, в Отделе графики и рисунка. Очень интересные аннотации там были, надписи, замечательные. И вот там были шухаевские тоже портреты, а он же очень дружил с Шухаевым, и там было очень смешно написано и очень правильно*. Там один портрет, и он пишет о том, что с Шухаевым очень дружил, а, как вам известно, Рихтер тоже пишет картины.

В. Т.: Да.

И. Р.-Д.: И вот отдыхали в Цихиджвари всегда, каждое лето, ездили Нейгауз и Рихтер, и прочие, и прочие. И там написано было так, что Василий Иванович всегда в глаза говорил правду, даже если это горькая правда. И вот он писал портрет одной очень красивой актрисы. И он ей сказал: «Вы знаете, у вас красивое лицо, но, когда вы улыбаетесь, у вас очень глупое лицо». Вот такие вещи, понимаете, он мог сказать, черт-те что. Причем, он очень издевался над Альтманом. Ему страшно нравилось. С Альтманом они были близкие друзья, с юности, можно сказать, они вместе в Петербурге встречались. И он все время хотел насолить Альтману, обожал вообще насолить кому-нибудь. Знаете, у него было какое-то чувство — такое мальчишество, вот это у него сохранилось до самых последних дней. Он всегда должен что-то кому-то насолить, вот так вот сказать: «Так вот я ему сказал то-то, то-то. Вот здорово!» И вот, я помню, у меня была машина «Форд», я привезла из Америки «Форд». И, когда он приезжал из Ленинграда, я его всегда встречала на вокзале. И вот я его встречаю, идет Альтман и Бродский, из Ленинграда, он говорит: «Ну, знаешь что, Альт, мы тебя подвезем на *нашей* машине (*смеются*). На *нашей* машине мы тебя подвезем. Прошу садиться». Альтман так надулся, но сел, и я их отвезла. Он говорит: «Куда вы прикажете вас вести на *нашей* машине?» (*Смеются*.) И все время подчеркивал: «наша машина». Я сидела за рулем, и все время хотелось смеяться.

(Перерыв в записи)

И. Р.-Д.: Ну вот. Значит...

В. Т.: Мямлина, да?

И. Р.-Д.: Да, Мямлин. А вы знаете что? Вот я часто приезжала к ним в Тбилиси, навещала их, так, раза два в год, обязательно, осенью. Как раз летом я здесь их видела, потом я приезжала осенью, я туда еще ездила, в Тбилиси. И вот как-то, когда я была там, как раз вышла монография Альтмана**, я привезла. Альтмана уже не было в живых.

В. Т.: А не помните, кто автор? Об Альтмане.

И. Р.-Д.: Как? Знаю. Эткинд.

В. Т.: А, Эткинд.

И. Р.-Д.: Да, конечно, знаю. У меня есть она. Я привезла ему в подарок эту книгу, и в это время прислали его монографию из Ленинграда Мямлина***, до моего приезда, и вся книга была испещрена его записями. Он был очень недоволен своей книгой. Я точно не помню, почему, но он говорил, что это всё неправильно, всё неправда, много неправды, и не то, что он хотел, воспроизведено. И вот, говорит, старой обезьяне как хорошо издали, а меня как плохо, злился ужасно. Но он был очень непосредственный человек, все, что на уме, все у него выражалось это бурно.

В. Т.: И Вера Федоровна, вы говорите, тоже была недовольна.

И. Р.-Д.: И Вера Федоровна тоже, да. Вера Федоровна тоже была очень недовольна и все знала, она знала каждый штрих его, она же художница сама тоже была. Так что она все понимала, все знала, жила его искусством тоже. И она очень переживала, она считала, что это плохо, плохо сделано.

В. Т.: Плохо написано или плохо издано?

И. Р.-Д.: Нет, плохо издано, не то написано, что он хотел, не так написано, не так выражено все. Ну, то, что я знаю о его искусстве, мне трудно судить, но жалко, что Вера Федоровна не может рассказать, она, конечно, глубже все это бы рассказала. Но что вот мне было немножко чуждо в его искусстве, но он не отходил от этого — это его реализм такой, сухой даже. Но интересно, после того, как он отсидел, он стал смотреть на мир другими глазами, есть даже вещи, которые красочны очень, чего у него никогда не было.

В. Т.: До этого?

И. Р.-Д.: До этого, да. Очень интересно было наблюдать, и, когда я Вере Федоровне сказала: «Верочка, вот, например, возьмите эту картину и даже французскую, периода французского, он же совершенно не отошел от академизма. А тут, — я говорю, — тут же импрессионизм. Что с Василием?». Она говорит: «Знаешь, Ирина, он после того, как вышел, стал писать более ярко, он видеть начал краски совершенно другими глазами». И в этом воочию я убедилась в его картинах. Действительно это так. Даже вот возьмите, вы видите, у меня висят на стене его эскизы...

В. Т.: Да.

И. Р.-Д.: Это же совершенно другой Шухаев, понимаете. И все, что я так вижу, очень красиво у него. И мне это больше нравится — или потому, что я более воспитана в этом духе импрессионистическом, не знаю, либо это мой вкус больше. И я с восторгом смотрю на эти вещи. Ну, конечно, он непревзойденный мастер — в особенности в сангине, в рисунках, это даже до революции он был очень известен.

В. Т.: А сам он больше чем любил работать, какую предпочитал технику?

И. Р.-Д.: Темпера.

В. Т.: Да?

И. Р.-Д.: Любил очень анкустику****, есть даже у меня запись его анкустики. И есть даже один портретик, который у меня. Ну, это об анкустике. Это наука, понимаете ли...

*

«Шухаев личность особенная, один из самых легких людей, встречавшихся мне. Человек с негибким и счастливым характером. В конце сороковых годов в Тбилиси была у меня чудная жизнь. Мы были очень дружны все: Шухаевы – Василий Иванович и Вера Федоровна, художница Елена Ахведиани и Кэто Магалашвили, Куфтины, Нейгауз, Нина Долиак и я. Мне не надо было готовиться к концертам, и наше утро с Василием Ивановичем начиналось по-парижски, с бутылки шампанского. Он писал мой портрет, а я позировал, почти засыпая. Портрет получился не очень удачным. Василий Иванович сказал с улыбкой: “А Вы сами виноваты, так позировали. Я пишу только то, что вижу”. Он никогда не льстил в портретах, так же как и в жизни. Он часто говорил “гадости” – делал это очень мило и без злобы (некоторые не понимали и обижались). Одной известнейшей грузинской актрисе он сказал: “А знаете, когда Вы думаете, у Вас лицо становится глупым”. » Цит. по: С. Рихтер. Музыкант и его встречи в искусстве. М., 1978

** Эткинд, М. Н. Альтман. М., 1971

*** Мямлин, И. Василий Иванович Шухаев. Л., 1972

Имеется в виду энкастика — техника живописи, в которой связующим веществом красок является воск.

«Здравствуй, идиотина!» Письма Шухаева к Яковлеву

В. Т.: Ну, понятно. Это его собственные записи?

И. Р.-Д.: Это его собственные записи, да.

В. Т.: Они есть у Веры Федоровны и у вас?

И. Р.-Д.: И у меня, да. Вера Федоровна мне дала. Есть переписка. Его послали, когда он кончил Академию художеств, это в 10-м, что ли, в 13-м году, да, в 13-м — 14-м, кажется, году, его премировали и послали в Италию*.

В. Т.: Вместе с Яковлевым, по-моему, они были.

И. Р.-Д.: Сначала он один.

В. Т.: Один, да?

И. Р.-Д.: И вот, когда он был там один, он переписывался с Яковлевым. Здесь есть его письма, ужасно забавные. Ну, тут весь Василий.

В. Т.: Может быть, мы почитаем потом?

И. Р.-Д.: С удовольствием. С удовольствием, да, я вам прочитаю. Вот, например, он пишет такими же словами (*смеется*), немножко хулиганскими такими.

В. Т.: Ну, давайте посмотрим прямо сейчас.

И. Р.-Д.: Ну, давайте, давайте. Я могу вам прочитать, если хотите...

В. Т.: Да, конечно, это же очень интересно, только, пожалуйста, дату и...

И. Р.-Д.: Дата? Не датировано.

В. Т.: Не датировано?

И. Р.-Д.: Нет. Это было в 13-м году.

В. Т.: Ну, давайте.

И. Р.-Д.: Вот. «Здравствуй, идиотина!..» — видите, это у него стиль такой.

В. Т.: Обращение. А перед этим было?..

И. Р.-Д.: А перед этим было...

В. Т.: «Здравствуй, Сандро»...

И. Р.-Д.: А перед этим было: «Сандро, [нрзб], Сандро [нрзб]».

В. Т.: Да.

И. Р.-Д.: Да. Вот, например. Ну, еще там много всяких. «Твой Васька» подписывается. Сейчас это вот маленькое письмо я прочту. «Здравствуй, идиотина!» Ну, вот понимаете, такие. Вот еще сейчас перечислю... «Что это ты там Питер удивляешь своими эксцентричными костюмами?»

В. Т.: Понятно. Давайте какое-нибудь целиком.

И. Р.-Д.: Ну, вот давайте вот это: «идиотина». «Здравствуй, идиотина! Поздравляю тебя с успехом. Прочитал статью Бенуа. Молодчина Александр Николаевич, старается вовсю. Он не похож на собаку, лежащую на сене: сама не ест и другим не дает, или на ту, которая сама ест, а другим не дает. Бенуа и сам кушает, и другим дает. Молодчина, рекламирует молодежь вовсю. Я за тебя страшно рад. Положим, об этом говорить не приходится, потому что сам знаешь, сам так же радовался, когда Бенуа писал обо мне. Он и в «Еженедельнике речи» не забыл упомянуть о нас. А для моей поездки, как оказывается, его статьи сыграли большую роль. Я по этому поводу хочу написать ему письмецо. Ты мне напиши его адрес. А теперь про Рим. Побывал, брат, я здесь в галерее, правда, им до нашего Эрмитажа очень далеко, здесь больно они носят характер случайно собранных вещей, нет стремления дать зрителю трактат по истории искусства. Может быть, это хорошо, я не знаю. Конечно, и там, и тут есть свои достоинства. Наш Эрмитаж, главное, тем ценен, что это дело живое. Здесь же случайно собралось несколько картинок, повесились на стены и умерли. Вот эта печать мертвенности мне не нравится. Хотя, с другой стороны, в таком любительстве есть своя особая прелесть. За время моего пребывания в Риме вынес очень много поучительного от посещения незнакомой галереи, видя все знакомые вещи. Одни тебя поражают своей красотой, которая не замечалась и в репродукции, другие же, как, например, известные всему миру произведения разочаровывают. Так, «Иннокентий X» Веласкеза — это какой-то Репин. Не знаю, почему все от него в таком диком восторге. Про микеланджеловский «Страшный суд» и говорить не хочется. Может быть, реставрацией и временем испорчен, не знаю. Зато как красивы Пинтуриккьо, Боттичелли, и его, к слову сказать, много в Риме. И все прочие примитивности — и Беноццо Гоццоли, вспомнил Рериха со своими претензиями быть русским Беноццо. Вот мерзавец. К сожалению, страшно мало места говорить обо всем виденном. Для того, чтобы рассказать впечатления одного дня, нужно листов двадцать такой бумаги, а где же ее столько исписать».

*
Конец 1912 — ноябрь 1914 — пребывание В. Шухаева в Италии.

Яковлев и Шухаев в Финляндии и Париже. Портреты Саломеи Андрониковой

В. Т.: Да. Хорошо написано.

И. Р.-Д.: Ну вот, понимаете, есть еще много писем в этом роде. Вообще он пишет о себе, что он там делает, что он там пишет. Он писал картину, (почему его и послали), это «Вакханалия». И эту картину он написал, и эта картина прошла так хорошо, что наградили его, как это называется...

В. Т.: Пенсионерской поездкой.

И. Р.-Д.: Пенсионерской, да.

В. Т.: Тогда это были пенсионеры.

И. Р.-Д.: Пенсионеры, да. Пенсионерской поездкой в Рим. А потом только приехал туда Яковлев, тоже его наградили, они и шатались там, и работали вместе.

В. Т.: И там он начал работать над автопортретом?

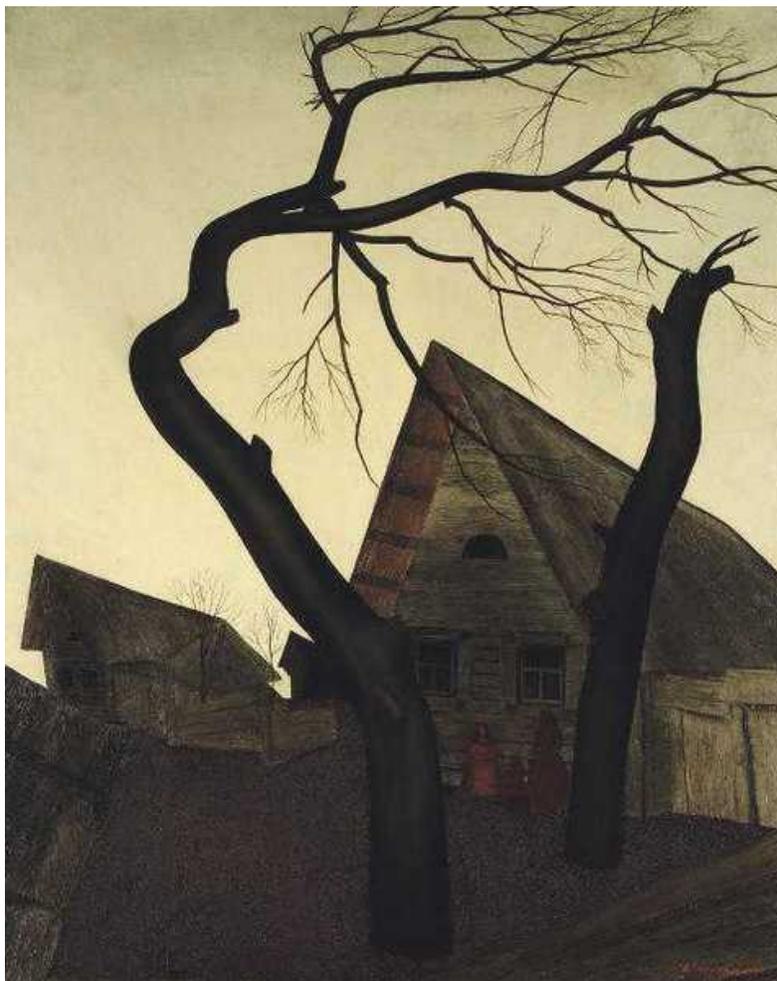
И. Р.-Д.: Да, там они работали, вот это писали, Яковлев себя, а Шухаев себя. Так что вот такой двойной портрет «Пьеро и Арлекин», который висит сейчас в Русском музее. Когда вы поднимаетесь наверх...

В. Т.: Да-да-да, я знаю.

И. Р.-Д.: ...вот сразу они. Вы знаете, да. Это вообще уже такая...

В. Т.: Известная вещь.

И. Р.-Д.: ...известная вещь, которая всегда там висит. Ну, вот они вместе и работали, они учились у Кардовского, как вам известно, там они подружились, нашли друг друга в искусстве и вместе очень много [работали], я вам уже рассказывала... вот им дали как раз — предложили писать плафон у Фирсановой на Кропоткинской, который до сих пор существует, это тоже известно. Ну, и предлагали — между прочим, в Риме им предлагали даже росписи делать в церкви. И еще и в Петербурге тогда — росписи они должны были где-то делать, но началась война. И вот, когда война началась, вот тогда он ему предложили большую картину писать — «Полк на позициях». Он тогда поехал на фронт и подготавливал, писал портреты офицеров, очень много, именные портреты, которые существуют сейчас почти все в музее, вот один у меня маленький остался, все именные, но картину он не успел сделать, началась революция.

В. Шухаев. В деревне. Финляндия. 1920

В. Т.: И они уехали в Финляндию?

И. Р.-Д.: Это Луначарский их послал. Было как. Вот он пишет в своих записях как раз, Василий Иванович, что были они в «Бродячей собаке», где-то там сидели, и Луначарский там сидел, и они жаловались, что вообще негде им работать (художники, и Пуни там был), нечего им делать, что вот они совершенно растерялись, и голод, и холод, и — что им делать? А Луначарский говорит: «Вы бы поехали за границу. Поезжайте, — говорит. — Кто может, поезжайте. А когда будет здесь все установлено, вы приедете, мы вас...

В. Т.: ...примем.

И. Р.-Д.: ...позовем». Да, «мы вас примем». Вот они и поехали. Сначала...

В. Т.: Кто «они»?

И. Р.-Д.: Шухаев один поехал с женой, с Верой Федоровной, и Пуни поехал тогда тоже с женой, с Ксаной.

В. Т.: Пуни какой?

И. Р.-Д.: Иван Пуни. Да. Ну, Ванечка — это ж прелесть, я его очень хорошо знала. Вот у меня фотография его, его репродукция, еще там у меня есть.

В. Т.: И они там вместе жили, такой русской колонией, да?

И. Р.-Д.: Нет, они отдельно жили, но близко. Встречались, да. Они там жили, трудно было им там жить. А Яковлев уже был в Париже. И вот Яковлев им устроил приезд. Визу выхлопотал, они год жили в Финляндии. И он выхлопотал им как раз визу в Париж и устроил их в Париже, он уже был там известен как художник и вообще попал в светские круги, он был светский очень человек, и он там процветал. И он очень хороший оказался товарищ, он им очень помог: и достал мастерскую, и помог материально, и работу достали. Благодаря ему в начале, ну, а потом все пошло, пошло, много там выставок было, и многие его вещи в музеях, и в Голландии, и в Бельгии, и в Америке даже, и есть даже в Париже в Лувре. Много, много, в общем, вещей там осталось, и в частных собраниях, я знаю, много. И, кстати, вот эта Саломея Андроникова, с которой я переписываюсь...

В. Т.: Гальперина?

И. Р.-Д.: Да, Гальперина*, с которой я переписываюсь...

В. Т.: А что это за женщина?

И. Р.-Д.: Очень интересная женщина, она жила в Париже. Когда я приехала туда, я с ней познакомилась, меня Альтман провел к ней, это была очаровательная светская женщина.

* Саломея Андроникова, в первом браке Андреева, во втором Гальперн.

В.Шухаев. Портрет Саломеи Андрониковой. 1917. ГРМ

В. Т.: Она русская?

И. Р.-Д.: Нет, она грузинка. Княгиня грузинская. Она жила в Париже, потом она вторым браком вышла замуж за Гальперна, он в Англии жил, и она переехала в Англию. И у нее много очень наших русских художников, как: Шухаев, затем Яковлев, Петров-Водкин, Серебрякова. И эти все картины она передает в дар русским музеям — Русскому музею в Ленинграде, Третьяковской галерее здесь, и только один портрет свой, Серебряковой, она дарит Грузинскому музею. Сейчас, кстати, когда я была, тут подняли шум: они узнали, в музее*, и вдруг мне звонит моя знакомая, Сосновская такая Наташа, и говорит, что меня якобы хочет видеть директор. Я говорю: «А зачем я ему нужна?» — «Вы сами узнаете». Оказывается (я его не видела, потому что начались праздники, а я уехала потом), но я потом от нее узнала, что была там у нее Белла Ахмадулина, а муж у нее художник, и она была в Ленинграде***, Ахмадулина, и заходила к Саломее, а Саломея знала, куда какие картины. И она [Ахмадулина] пришла, все рассказала директору [Музей искусств Грузии], и директор возмутился: «Как это так! Наша грузинка отдает не к нам в музей, а отдает в русские музеи». А мне — у меня есть письма этой самой Саломеи, — она пишет, почему — потому что это их родина, Петербург, Ленинград — это их родина, большую часть она в Русский музей, я сказала директору Новожиловой об этом. Она пришла в восторг, и будет с ней переписываться, следить за этим, потому что пошлину она [Саломея] не может платить, она не состоятельная, и ей девяносто лет. Как она пишет: «Я не собираюсь умирать, но мне девяносто лет». И вот завещание лежит, и я не знаю, оплатит ли Советский Союз пошлину или они пропадут. Она волнуется, естественно. А дочь ее — французская коммунистка, опять же у нее денег нет.

В. Т.: Понятно.

И. Р.-Д.: Я узнала в министерстве культуры, у Халтурина, он мне сказал, как надо действовать, я написала все ей, через наше посольство, и, в общем, все это уладится.

В. Т.: Слава богу.

И. Р.-Д.: Да. Ну так жалко. А когда я сказала Новожиловой, она говорит: «Пускай она мне пишет. Я здесь буду, — значит, — следить за этим». Она будет. Вот Третьяковской галерее я не доверяю. Им наплевать, они не будут, им не до этого, а вот она будет. Она такая, понимаете? Эта женщина — она недавно пришла туда, и она живет этим. Она вообще именно работает — то, что надо.

В. Т.: Очень хорошо.

И. Р.-Д.: Она заинтересована.

В. Т.: Значит, не пропадут.

И. Р.-Д.: Значит, не пропадут. Я еще раз напишу Саломее ее адрес и ее все координаты, чтоб она ей написала, чтоб она проверяла, потому что у нас знаете как бывает? Один посылает к другому все ниже и ниже, и в результате это никому не нужно. А это такая ценность, что жалко: и Петрова-Водкина жалко, и Яковлева здесь хватают, потому что его очень мало. Вот у меня есть рисунки Яковлева, академические, так они ждут не дождутся, когда я им их отдам. В общем, конечно, я отдам в музей.

* Музей искусств Грузии в Тбилиси.

** В Лондоне (оговорка).

А.Яковлев. Портрет Саломеи Андрониковой. 1922. Частное собрание

В. Т.: А в основном все в Париже, да, его работы?

И. Р.-Д.: Конечно. Здесь очень мало.

В. Т.: Каким образом они оказались у этой Саломеи?

И. Р.-Д.: Она дружила с ними.

В. Т.: Они дарили ей?

И. Р.-Д.: Ну, конечно. Писали ее портреты, вот три портрета, у меня есть фотографии, я вам покажу, я взяла у Зильберштейна. Она мне написала о том, что у Зильберштейна есть ее фотографии, а делать фотографии с ее картин — это безумно дорого и сложно, и ей не под силу, поэтому, чтоб я пошла к Зильберштейну и взяла. Я пошла к Илье Самойловичу и у него оказались только три. Потом она пишет: «Проклятая старость! Она меня подвела. Я забыла, что я дала только ему три портрета». Петрова-Водкина, Яковлева и Серебряковой. И вот эти портреты как раз — он мне фотографии дал. Он что-то хотел писать о ней, она очень интересный человек, потом эпоха — все это очень интересно. Я помню ее хорошо, я, будучи в Париже, с ней переписывалась. Я ей написала, она мне ответила. Это уходящая эпоха, которая в Вере Федоровне, в ней — это обязательные люди, это очень интеллигентные люди, хорошо воспитанные люди, от чего мы уже давным-давно отвыкли, к сожалению.

(Перерыв в записи)

«Такая досада, что все первые впечатления получаю без тебя»

В. Т.: Вот о первой жене.

И. Р.-Д.: Первую жену я не знала, я о ней знаю, и знаю и их дочь, Марину Васильевну Шухаеву. Она жива сейчас, она болела психически, как мне сказала Вера Федоровна. Вера Федоровна была дружна с этой Аленой. И, когда Алена уже была плоха, больна очень, Вера ей сказала, что «я никогда не оставлю Марину», и она говорит: «Я верю тебе, что, пока ты жива, ты Марину не оставишь». И вот она до сегодняшнего дня все время содержит, помогает Марине Васильевне. Ну, она уже пожилая женщина, конечно, я была у нее недавно, я была месяца два тому назад в Ленинграде и заходила к ней. Я получила деньги за какую-то вещь, я не помню, и Вера мне сказала: «Пошли Марине». Я послала, и вот на этой почве мы познакомились, начали переписываться, и я познакомилась с ней воочию, так сказать. И она меня очень хорошо приняла и показывала вещи, какие она рисовала, ее мать рисовала немного тоже, они все. И Вера Федоровна рисовала, тоже художница. И она до сих пор заботится о Марине.

В. Т.: А портрет вот этот, Елены...

И. Р.-Д.: А портрет Елены Шухаевой — это его первая жена, и вот как раз письмо Василия Ивановича, где она приезжала, когда он попал в Италию. Вот эта Алена — Аленка они ее называли, — она приехала к нему и с ним жила небольшое время, и вот он пишет об этом месте. Вот как раз письмо я все прочитаю сначала. «Идивот» — это Саша.

В. Т.: Как обычно.

И. Р.-Д.: Да. Он для него был «идивот». «Пили за твое здоровье, тоже пунктуально, в назначенное время, не где-нибудь — в Гонзано, на террасе, выходящей на озеро Неми. Ах, какая красота! Самые красивые окрестности Рима. Главная прелесть заключается в городишке, носящем имя Гонзано. До сих пор сохранились целые кварталы, напоминающие если не средневековые, то время, близкое к нему. Были с альбомами, но не сделали ни одной записи, потому что хотелось сделать какую-нибудь гравюру или подобное ей, во всяком случае, рука не поднялась сделать легкий набросок. Все время ругали Фалилеева, который, будучи в Италии, совершенно не использовал этих чудесных мест. Это целиком рисованные куски с таким стилем, что надо быть идиотом, чтобы не почувствовать это. С Аленкой купались в озере, вода глубокая и чистая, и неизмеримо голубого цвета. Так жаль, что нет фотографического аппарата, в который можно было бы зафиксировать все эти художественные чудеса. Хотя слово «чудеса» и громкое, но для нас, художников, оно понятное и не есть преувеличение, так как вещи, сделанные в сотрудничестве с природой, иным именем никак не назовешь. Такая досада, что все первые впечатления получаю без тебя, не вместе с тобой, почему масса мыслей остаются не записанными. Я не унываю и верю, что удастся здесь, в Италии, прояснить побольше и выявить все те мысли, что есть в голове. Я не знаю, но как-то верю в наше будущее. Васька». Симпатично.

В. Т.: Очень хорошее письмо.

И. Р.-Д.: Очень, очень, да, чудесное. Вот они и остались на всю жизнь друзьями, очень близкими и по внутренним своим качествам, и по художественным, безусловно, по искусству.

В. Т.: А какова судьба дальнейшая Яковлева?

И. Р.-Д.: Он умер там.

В. Т.: В Париже?

И. Р.-Д.: Да. Они расстались, он умер в Париже, не то во время войны, но он очень рано умер. Все вещи остались, по-моему, у Татьяны. У сестры, у Татьяны — я не знаю точно, судьба этих вещей мне неизвестна, потому что как-то я Татьяну потеряла из виду. Вера Федоровна переписывалась с ней, Татьяна очень близко была знакома с ними, и Татьяна бывала, и как раз вот здесь есть запись о любви Маяковского и Татьяны, трогательная очень.

В. Т.: Вот то, что они сами записывали, да?

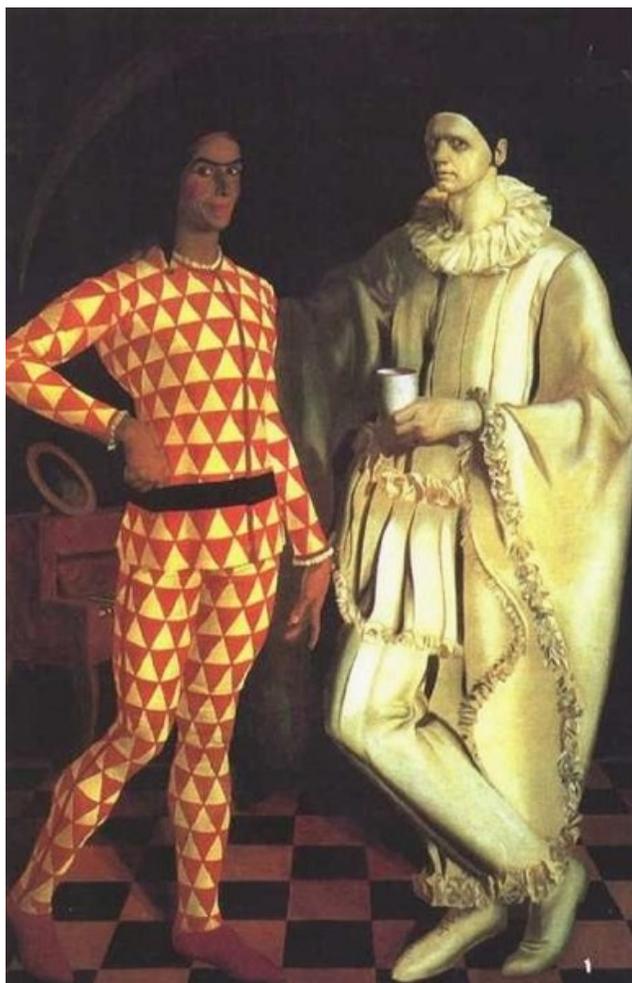
И. Р.-Д.: Да, с их слов записано, да, о Маяковском и Татьяне, потому что здесь ходили всякие глупые слухи, и, понимаете, или, может быть, это Лиля Брик пустила, не знаю. Я Лилю Брик знала тоже, не хочу о ней говорить, это пускай говорят другие, но Лиля очень ревниво относилась ко всем, кого любил Маяковский, это я знаю точно. Маяковский очень был влюблен в Татьяну, и ему действительно в любви не везло. И он должен был приехать за Татьяной и жениться, вывезти ее в Россию, но ему не дали визы и он не приехал.

В. Т.: Да-да-да. Это история известная.

И. Р.-Д.: Известная история. Ну, я думаю, что здесь не без Лили Брик, не без участия Лили Брик. Он это тяжело пережил и, как он мне сказал однажды, что ему безумно не везет в любви. И вот это последняя была его попытка. Он полюбил, они очень подходили друг к другу, очень, и внешне, она тоже высокая такая, статная, и он высокий. Очень жаль, потому что это был бы замечательный брак, и, может быть, он тогда бы остался в живых. Ну, бог его знает, все, может к лучшему

В. Т.: Теперь уже трудно...

И. Р.-Д.: Трудно судить, да. Вот такая история.

Александр Яковлев, Василий Шухаев. Арлекин и Пьеро. 1914. ГРМ

Мейерхольд, Арлекин и Пьеро

В. Т.: Вы говорите, что у вас есть запись о Мейерхольде еще.

И. Р.-Д.: О Мейерхольде есть, да, сейчас посмотрим.

(Перерыв в записи)

И. Р.-Д.: [Могу] рассказать, как Шухаев случайно стал актером.

В. Т.: Да.

И. Р.-Д.: Это очень интересно. Шухаев и Яковлев. Это в 11-м году, когда он работал в мастерской Кардовского, это занятия по рисунку, у Кардовского он получил очень большую школу.

В. Т.: В Академии художеств.

И. Р.-Д.: В Академии художеств, конечно. И вот с Яковлевым они узнали, что у Мейерхольда есть такой театр — Дом интермедий. Там пантомима ставится «Шарф Коломбины». Они пошли посмотреть, им очень понравилось, и они начали туда ходить и познакомились со всеми актерами и с Мейерхольдом. И им безумно все это нравилось. И они настолько близко сошлись, что однажды там заболел Пьеро, и Мейерхольд предложил Яковлеву*, и потом заболел и Арлекин.

В. Т.: Он об этом пишет в своих заметках, да?

И. Р.-Д.: Вот об этом он пишет, я хочу вам сейчас прочитать.

В. Т.: Давайте посмотрим.

И. Р.-Д.: Давайте вот отсюда вот я вам прочитаю, что он пишет. «Надо было видеть Всеволода Эмильевича на репетиции, куда он приходил, едва проснувшись. Начало репетиции его никак не интересовало, было такое впечатление, что он сидит и думает: «Что эти дураки кривляются?» Затем он начинал делать замечания, одно, другое. Не довольствуясь замечаниями, лениво поднимался, нехотя указывал какое-то движение или жест, постепенно увлекаясь, и его показы превращались в фонтан блестящих изобретений. Казалось, его изобретательность неисчерпаема. Кончалась репетиция, а затем начиналось всё сызнова. И то, что было найдено вчера, все оказывалось недостаточно удовлетворительным. Опять начинались поиски нового. И так каждый день. Во всех постановках первые сцены, поставленные Мейерхольдом, были сделаны и отшлифованы лучше, а последующие всегда требовали доработки, ибо на последние сцены у него всегда не хватало времени. В «Шарфе Коломбины» с течением времени менялся состав исполнителей. Ушли Хованская (Коломбина), ее заменила Гейнц, ушел Голубев (Арлекин), его заменил Яковлев...»

В. Т.: Александр Евгеньевич.

И. Р.-Д.: Александр Евгеньевич, да, художник Яковлев. «...Арлекин в нашей студенческой постановке, „Балаганчик“ Блока»...

В. Т.: «Выдвинулась кандидатура...»

И. Р.-Д.: А, вот. «...кандидатура Яковлева, потому что он играл Арлекина в нашей студенческой постановке „Балаганчик“ Блока. У Яковлева на репетициях эта роль вышла. Мне дали роль слуги Пьеро, я играл Пьеро в «Балаганчике». Разумеется, я был счастлив, что хоть какую роль довелось исполнять в самомделишной сцене. Арлекин и слуга Пьеро вышли. После занятий в Академии мы шли играть свои роли. Это было счастливейшее время, мы жили полной, насыщенной искусством жизнью.»

В. Т.: Одну минуточку. «Очень важно, что под впечатлением, видимо, этого своего выступления у Мейерхольда родился написанный вместе с Яковлевым...

И. Р.-Д.: А, вот это, да. Давайте.

В. Т.: ... в костюмах Пьеро и Арлекина...»

И. Р.-Д.: Это дальше. «...Мною вместе с Яковлевым написан автопортрет в костюмах Пьеро и Арлекина из «Шарфа Коломбины», находящийся в Русском музее в Ленинграде...» То есть это последствия. «...Мною сделаны подготовительные в вышеназванной картине в собрании Рыбаковой в Ленинграде...»

В. Т.: А кто такая Рыбакова?

И. Р.-Д.: А это очень большой друг их. «...Мною сделан эскиз декораций для экспериментальных вещей в стиле комедии дель арте в собрании Тимофеева (Ленинград)...»

В. Т.: А Тимофеев?

И. Р.-Д.: Я его не знаю. Это кто-то... его знакомый.

В. Т.: А вот кто такой «Б. Э.» — «Портрет Б. Э.»?

И. Р.-Д.: Портрет? Это я тоже не знаю... (*читает*) «Рисунок, сангина. Местонахождение неизвестно...». Это я не знаю. Вот так.

*

Ошибка, на самом деле Яковлев сыграл Арлекина, а Шухаев — Пьеро, в этих же ролях каждый из художников изобразил себя на парном автопортрете.